

ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСИЙ
УМИНСКИЙ

МЫ С ТОБОЙ ОДНОЙ КРОВИ

ЛЕКЦИИ, БЕСЕДЫ,
ПРОПОВЕДИ

PRAVMIR.RU
ДАРЪ

протоиерей Алексей Уминский

**Мы с тобой одной крови.
Лекции, беседы, проповеди**

ТД "Белый город"

2015

УДК 27-46
ББК 86.37

Уминский п. А.

Мы с тобой одной крови. Лекции, беседы, проповеди /
п. А. Уминский — ТД "Белый город", 2015

Книга протоиерея Алексия Уминского, священника Русской Православной Церкви, настоятеля московского храма Святой Троицы в Хохлах, подготовлена на основе материалов интернет-портала «Православие и мир». В нее вошли лекции, беседы, проповеди разных лет. Автор, наш современник, умный, тонкий, а главное, очень неравнодушный человек, задает многие очень важные вопросы и пытается ответить на них. Что значит идти за Христом? Кто я в Евангелии? Готовы ли мы прикоснуться к язвам Христа? Что такое Церковь и зачем она нужна? Что современный человек хочет от Церкви? Может ли Церковь быть благополучной? Книга будет интересна всем думающим людям.

УДК 27-46
ББК 86.37

© Уминский п. А., 2015
© ТД "Белый город", 2015

Содержание

Идти за Христом	6
Пораниться Евангелием	6
Личная встреча с Книгой	7
По кругу	7
Все мое – Твое	7
Дай мне МОЕ	8
Бог у нас в послушании	8
Кто я в Евангелии?	9
Идти за Христом	10
Страх поверить	10
Все по-прежнему?	11
Без успокоения	12
К Чаше за духовным удовлетворением?	13
Благодарить за все...	14
Что самое плохое в христианстве?	17
Зачем Церковь нужна человеку?	18
Церковь – комбинат духовных услуг?	19
Церковь – хранительница любви	20
Долгий путь преображения	21
Церковь – экспериментальная площадка для исполнения	25
Евангелия	
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Протоиерей Алексей Уминский

Мы с тобой одной крови.

Лекции, беседы, проповеди

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской
Православной Церкви

№ ИС Р15-507-0386

© прот. А. Уминский, текст, 2015

© Данилова А.А., составитель, 2015

© PRAVMIR.RU, интернет-портал «Православие и мир», 2015

© ООО ТД «Белый город», 2015

© Издательство «ДАРЪ», оформление, 2015

Идти за Христом

Пораниться Евангелием

О Евангелии всегда говорить очень сложно, потому что эта книга настолько несопоставима с нашей жизнью, что всегда как-то теряешься. А с другой стороны, у нас никакого другого выхода нет, кроме как жить по Евангелию. Эта проблема несопоставимости жизни по-человечески с жизнью по Евангелию в нашем сознании трансформируется в то, что мы начинаем в большей степени прилепляться к второстепенному и ценить его, считая его главным. И когда это второстепенное меняется, у нас возникает ощущение, что земля уходит из-под ног. Вспомните старообрядческий раскол. Ну, казалось бы, смысл-то в чем? Почему вдруг людям так оказалось важным двоеперстие, или ударения, или «хождение посолонь», или еще что-то такое, что, в общем-то, к жизни во Христе отношения не имеет и не является христианством вообще?

У меня ощущение, что мы входим в некий новый период нового старообрядчества, когда для нас второстепенное является знаком христианства, когда мы определяем свою жизнь во Христе тем, как исполняется богослужебный круг, как мы этот богослужебный круг для себя воспринимаем, как мы воцерковляемся.

В чем заключается воцерковление сегодня? В том, чтобы человек благополучно стал как все: по воскресеньям приходил в храм, регулярно исповедовался и причащался, соблюдал посты, утренние-вечерние правила, три канона перед Причастием и все, как положено.

О чем священник спрашивает обычно на исповеди человека? Утренние и вечерние правила читаете? Посты соблюдаете? Ко Причастию готовились? А вопрос, как живет человек по Евангелию, не задается вообще! Даже не осмысливается никем – ни священниками, ни народом Божиим. И это одна из величайших проблем, которые существуют в нашей церковной жизни.

Евангелие отошло на второй план – по понятным причинам. Нам очень неудобно жить с Евангелием, нам очень тяжело переносить на себя евангельские слова. Как многих смущает поразительный фильм Дрейера «Слово» о том, как человек, христианин, воскрешает мертвых. Ну, как же так, он в прелести! А с другой стороны, давайте откроем Евангелие от Марка и прочтем: *Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет. Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если кто смертоносное выпьет, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы* (Мк. 16, 16–18).

Когда мы читаем эти слова, кто-нибудь их к себе применяет? Для кого написаны эти слова? Для кого написаны слова про веру, которая может двигать горами? Для кого написаны слова: «Господи, повели мне к Тебе идти по воде»? И такое ощущение, что когда мы читаем Евангелие, мы говорим – это не про нас, это про кого-то другого написано, это к нам отношения не имеет. Но как только мы решаем для себя, что что-то в Евангелии к нам отношения не имеет, то мы – шаг за шагом – начинаем отказываться от Евангелия. И тогда Евангелие становится для нас одной из форм молитвенного правила. Мы совершенно не понимаем, что Евангелие *для нас* написано, и жить *нам* по нему надо, мерить *себя* по нему надо. И исполнять его *нам* надо.

Мы говорим, что очень мало любви вокруг нас, что внутри Церкви все формализовано. Но ведь источником любви является Сам Христос! А Христос с нами говорит через Евангелие. Евангелие – это источник любви, источник той науки любви, которая только одна нас может научить чему-то. Ни утреннее-вечернее правило, ни посты, ничто либо другое любви, в общем-то, не учит. Все это поддерживает нас в горении любви, дает нам возможность опереться на что-то в нашем движении к любви, но самой любви не учит! И поэтому, когда мы говорим, что

происходит оскудение любви, мы должны понять, что это оскудение происходит от того, что Евангелие вышло из нашей жизни и оказалось где-то на периферии сознания.

Да, мы читаем Евангелие, да, священник даже иногда может о Евангелии что-то проповедовать. Мы послушаем и спокойно скажем: «Хорошая проповедь» или «Так себе». Но самим для себя Евангелие проповедовать, открывать, понимать, размышлять, этим Евангелием раниться, если хотите, – этого нет, это почти ушло из жизни Церкви. И мне хотелось обратить ваше внимание на то, что Евангелие должно стать главным содержанием нашей веры, потому что евангелистами себя называют кто угодно, но только не православные христиане. А мы и есть настоящие евангелисты, мы храним Евангелие неповрежденным, храним его в свете святоотеческого учения и предания нашей Церкви.

Личная встреча с Книгой

Чтение Евангелия – дело глубоко индивидуальное. Оно не может ограничиваться чтением Евангелия, к которому мы привыкли на богослужении. Это прежде всего индивидуальный личный труд человека, его личная встреча с этой Книгой, потому что даже если в храме Евангелие будут читать на русском, оно все равно будет восприниматься не просто. То, что читается вслух при большом количестве людей, не всегда достигает цели. Нужен особый момент.

Мы забыли слова «любовь» и «свобода» – эти слова человек может получить из Евангелия при личном чтении и при личном труде. Когда в доме нет любви, какая разница, как там расставлена мебель. Я считаю, что это первоочередная проблема. И даже если мы будем читать в храмах Евангелие по-русски, не достигнув любви и свободы, это не принесет никакой пользы, а только разделит Церковь.

По кругу

У нас есть естественное стремление к комфорту, а Евангелие это стремление к комфорту как-то сбивает. Но мы, тем не менее, все время стремимся к благополучию, оправдывая его чем-то рациональным, говорим, что это – знаки нашего величия, нашего могущества, чего угодно. Но там, где есть Евангелие, не может быть благополучия. Церковь, где есть Евангелие, не может быть молчащей Церковью.

Евангелие вышло из центра нашей жизни во Христе. А раз это так, то и литургия тоже становится одной из форм хождения по церковному кругу – исповедовался, причастился – и все очень хорошо. Иди дальше – от Пасхи до Пасхи, от поста до поста, от исповеди до исповеди, от причастия до причастия. Литургия не переживается евангельски – слова «Сие есть Тело Мое и Сия есть Кровь Моя» стали просто словами литургии. И переживания того, что ты сейчас вкусишь распятие Божие, что ты сейчас столкнешься с Крестом, нет.

Причастие нами воспринимается прежде всего как возможность получить что-то такое хорошее для нас: благодать, исцеление души и тела, оставление грехов – все очень хорошо, все очень благополучно, все очень нам нужно. Но никогда не говорят, что за этим причастием может последовать то, что произошло с апостолами: Христос пошел на смерть и позвал за Собой апостолов, пошел в Гефсиманский сад и позвал за Собой апостолов.

Все мое – Твое

Христос нам всего Себя отдает в этот момент, и значит, мы тоже должны решиться на то, чтобы полностью сказать Богу: «Все мое – Твое». Когда Господь говорит нам: «Все Мое – твое», а это очень страшно, тогда и подготовка к Причастию лежит совсем не в области трех

канонов, а в готовности идти за Христом, в готовности жить по Евангелию. И это страшно, ужасно страшно, тоскует сердце.

Вспомните слова, которые звучат в Евангелии: «*Кто хочет за мной идти, пусть отвержется себя, возьмет крест свой и за мной идет, и кто хочет душу свою спасти – погубит ее, и кто погубит душу свою, тот спасет ее*» (см. Мф. 16, 24–25)¹. Ведь эти слова невозможно слышать! Очень страшно эти слова применить к себе и так начать жить. А это и есть подготовка ко Причастию. Когда человек идет причащаться, эти слова с особой силой должны звучать в ушах: отвергнись себя и иди ко Христу, и что с тобой будет, это уже Его дело, а не твое. Как твоя жизнь потом сложится после Причастия, по воде ты будешь ходить, или в пустыне, или на крест Он тебя поведет, или вы будете сидеть и пировать в каком-нибудь доме грешника или фарисея, ты не знаешь.

Дай мне МОЕ

Вам не кажется, что когда мы накладываем на себя крестное знамение, мы себя перечеркиваем? Мы перечеркиваем себя ради Христа. Это значит сказать Богу: «Все мое – Твое». Если мы с вами вспомним Евангелие от Луки, главу 15, притчу о блудном сыне, там звучат эти же слова. Старший сын подходит к отцу и говорит, как же так, ты принял младшего сына, который все расточил, а мне не дал даже козленочка. А отец ему говорит: «Сын, все мое – твое». Эти же слова Бог обращает к нам.

А мы хотим от него взять только то, что нужно сейчас нам. Мы не хотим взять от Бога все. Мы хотим только маленькое. Как младший – дай мне *мое*.

Когда Христос говорит: *отвергнись себя*, – это значит, забудь про «дай мне мое». Самое тяжелое и страшное – это открыться для Бога, открыться так, чтобы ничего своего не осталось, чтобы все в каждом из нас было доступно для Бога – не какой-то кусочек нашей жизни, а вся наша жизнь. Он же нам *всего* себя отдает. А мы, когда причащаемся, не всего Его хотим взять, а только то, что нам больше нравится.

Бог у нас в послушании

Сегодня послушание воспринимается нами в Церкви как исполнение приказаний и циркулярных писем, которые, к сожалению, являются наиболее распространенными методами церковного администрирования. Что такое послушание? Степенна 4-го гласа на утрени звучит так: «Да будут мне на послушание Божественная Твоя ушеса». Церковь говорит о Боге, что Он находится у людей в послушании. И это действительно так. Бог у нас в послушании. Он постоянно нас слушает и слышит. Он на каждое «Господи, помилуй», «Поддай, Господи» нам отвечает. Он в послушании у человека.

Мы говорим о послушании в семье. Кто у кого в послушании изначально? Дети у родителей или родители у детей? Рождается ребенок в семье – только он пикнул, мать сразу к нему бежит. Кто у кого в послушании? И нормальные родители вслушиваются в своих детей. Все детство – это послушание родителей детям. Потом дети взрослеют и родители начинают к ним внимательно прислушиваться: а что наши дети? Что у них сейчас на душе? Что на сердце? А что с ними происходит в подростковом возрасте? И вот это слышание другого и называется послушанием. Когда родители находятся в послушании у детей, дети естественным образом начинают находиться в послушании у родителей.

¹ Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною, ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее (Мф. 16, 24–25). – *Здесь и далее прим. ред.*

Так происходит и в духовнической практике. Священник вслушивается в человека, как врач слушает больного. Врач находится в послушании у больного – он внимательно его слушает. А потом говорит, что больному надо делать. И если больной не дурак, то он потом находится в послушании у врача. То же самое в духовнической практике. Сначала духовник находится у своего духовного чада в полном послушании. Он слушает, внимает ему и, когда наконец понимает, что происходит, начинает давать советы. И тогда происходит уже взаимное послушание.

Хорошо бы, чтобы и с Церковью так было: чтобы патриарх слышал свою Церковь, чем она живет, о чем беспокоится, чтобы епископ слышал священника, как священник живет. И тогда будет послушание. А сейчас пока выполнение приказов.

Кто я в Евангелии?

Часто спрашивают, какие вопросы вы бы посоветовали нам задавать себе. Вопрос, который я задаю себе: кто я в Евангелии? Кто я сейчас? Где я сейчас в этом контексте в жизни? И мне кажется, что лучшей книги, чем Евангелие, в подготовке к исповеди нет, потому что, если честно и хорошо читать Евангелие, все сразу становится на свои места, человек понимает, что в нем не Христово. Я двадцать лет священник, и мне каждый раз, когда читаю слова про крест, становится от них страшно, я не могу их читать спокойно, не могу к ним привыкнуть. Я стараюсь спрашивать про Евангелие у людей. Апостол Павел говорит: у вас должны быть те же самые чувства, что у Христа². Вот и все, вот и смотри, какие у тебя чувства...

² В вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе (Флп. 2, 5).

Идти за Христом

Что главное в нашей жизни? О чем идет речь, когда мы говорим о главном? Как мы переживаем Пасху, чем она для нас является?

Если спросишь своих знакомых, людей нецерковных, которые, может быть, и считают себя верующими и даже православными, какой самый главный день в году, в ответ услышишь: «Новый год, конечно же».

Непонятно, почему вдруг Новый год, ведь ничего, на самом деле, в этот день не происходит, ничего не меняется. Но желание перемен, обновления, чтобы наконец что-то в жизни поменялось в лучшую сторону, делает этот праздник для многих днем надежд, каких-то особенных, вполне мистических переживаний. Человек не может это сформулировать, глубоко отразить, но понимается это именно так.

Итак, главный день – Новый год. Имитация праздника, веселья, радости, которая заключается в фейерверках, в поедании салата, и так далее, и тому подобное. Потом – очень сильное похмелье, опустошение и депрессия, потому что постновогодние дни, как известно, наиболее депрессивные в нашем отечестве. Это связано в том числе и с погодой, но еще... с несостоявшимся праздником, с несостоявшимися надеждами. Ничего не поменялось. А надежда осталась.

Желание радости, надежды, обновления присуще человеку онтологически. Человек не может без этого жить. Для нас праздник Пасхи – это тот же Новый год, но только вполне осознанный, вполне воспринятый нами. К этому празднику мы долго идем, готовимся, и он является для нас разрешением очень многого, в том числе и того, что бы мы хотели, чтобы произошло и с нами, и в мире.

Вот эксапостиларий к Фоминой неделе, Антипасхе: «Днесь весна благоухает, и новая тварь веселится и радуется». Новая тварь – новый человек. Кто во Христе, тот новая тварь. И потрясает это своим глубоким смыслом, своим евангельским переживанием: Антипасха – другая Пасха. Слово «анти» воспринимается для нас как что-то противоположное тому, что есть на самом деле. Очень многие христиане не могут для себя объяснить, что значит Антипасха. Почему вдруг Антипасха? Что тут Пасхе противоречит?

Ничего не противоречит, и приставка «анти» в данном случае значит не «контрпасха», а «вместо Пасхи».

То, что было Пасхой для всех апостолов, – для Фомы Пасхой не стало. Антипасха – это его Пасха, другая, вместо той Пасхи, которую он не пережил вместе с апостолами, потому что не видел воскресшего Христа и не поверил.

Возникает вопрос: а почему он не поверил? Но и апостолы сначала не поверили. Об этом говорится в Евангелии: пришли жены-мироносицы и сказали: «Христос воскрес!» Но апостолы им не поверили, Петр и Иоанн побежали ко гробу. К неверующим апостолам пришли Лука и Клеопа, которые тоже не верили в это, они говорили: *Но и некоторые женщины из наших изумили нас: они были рано у гроба и не нашли тела Его* (Лк. 24, 22–23). Все апостолы повели себя, в общем, одинаково.

Страх поверить

Почему люди, которые так были близки ко Христу, слышали Его пророчества, не поверили в самое главное? Один из возможных ответов: это страх. В это поверить очень страшно, особенно после того, как все апостолы оказались ненадежными, робкими учениками.

Каждый из них наверняка, как и Петр, переживал свое предательство, свой испуг. Они сидели, собравшись в комнате за закрытыми дверями и окнами, и очень боялись.

Во-первых, вполне возможно, они боялись самих себя. Боялись того, что с ними случилось, – их вера оказалась такой ненадежной. Их человеческая преданность потерпела полный крах: они не смогли быть со Христом до конца, со своим любимым Учителем. Они не смогли пройти с Ним этот путь. Они, как люди, оказались очень недостойными, очень ненадежными. И переживание своей ненадежности, когда говорят, что Он жив, – очень неприятное чувство: «Как же так, как же мы оказались такими?»

Во-вторых, они боялись и за свою собственную жизнь: раз убили Учителя, значит, будут репрессии против учеников. Они были подавлены. С одной стороны, подавленность из-за личного предательства, с другой стороны, страх грядущих бед, которые на них могут обрушиться. Понятно, что они не выдержат сейчас никаких гонений, никакого ареста, потому что деморализованы.

И слова женщин, что Христос все-таки жив, не являются для них убедительными, потому что страх слишком сковал их сердца. Они настолько погружены в себя, настолько подавлены, что даже слова о Воскресении не могут ими восприниматься адекватно, они не могут их услышать, принять, потому что ничто на это в них не отзывается.

И когда Сам Христос к ним является со словами: *мир вам* (Лк. 24, 36), видно, что у апостолов нет мира, они пребывают совершенно в немирном, разрушенном состоянии. И Христос подает им Свой мир, дает им Духа Святого, укрепляющего их чувства, и тогда только апостолы начинают радоваться.

Они радуются, что все прошло, что кошмар, который был до этого, кончился, что действительно их Учитель жив. А это значит, что, несмотря ни на что – на гвозди, на Крест, распятие, на погребение, – всего этого нет. Как хорошо, что все кончилось! И так благополучно все кончилось, опять их Учитель жив. Он к ним пришел, Он их опять принял к Себе, и теперь с ними все в порядке. Он воскрес – и значит, теперь опять все будет хорошо.

Так и мы после долгого поста, после всех его искушений и тяжестей приближаемся к Пасхе в надежде, что с Пасхой все тяжелое и плохое, как эта мрачная зимне-весенняя русская погода, должно будет отойти. Сейчас будет благоухать весна, а мы будем веселиться и радоваться, потому что все прошло. Все, что было, – все прошло, и сейчас Новый год.

Все по-прежнему?

И оказываемся мы такими похожими на наших друзей, близких и родственников, для которых Новый год – главный праздник. Праздник несостоявшейся мечты, надежды, не сбывающейся никогда, потому что ничего не меняется. Христос воскрес, а мир остался прежним. Если мы остались прежними, то остался прежним и мир.

Апостолы так обрадовались, что Христос воскрес, что все теперь хорошо, все ужасы, страхи, беды, которые стояли за их спиной, благополучно ушли!

Даже ответственность за побег, за предательство в данный момент уже не так над ними довлечет, потому что Он рядом с ними. Он посылает их на проповедь: *идите, научите* (Мф. 28, 19). Правда, они никуда не идут. Они сидят за затворенными дверями и радуются своей маленькой пасхальной радостью, которая принадлежит этому небольшому кругу людей. Христос воскрес – и нам здесь хорошо. У нас двери закрыты, окна закрыты. Мы-то знаем, что все в порядке.

И туда приходит апостол Фома, которому другие апостолы говорят: «Христос воскрес». А он отвечает: «Нет, не могу поверить», – как и они не могли поверить в свое время, пока Он не явился им. «Мы видели его, – говорят они, – Он ел с нами, пил, ел мед и рыбу печеную». А он повторяет: «Не верю».

Что, казалось бы, мешало Фоме поверить при таком количестве свидетелей? Многое. Именно то, что мешает очень многим и сейчас верить в наши слова о Воскресении Христовом: «А вдруг это призрак? А вдруг у вас была коллективная галлюцинация? А что, почему нет?»

Я недавно посмотрел видео психологического эксперимента. Приходит психолог в группу детского сада и приносит две белые пирамидки и одну черную и говорит: «Петя, Вася и Оля, давайте сейчас договоримся, что когда придет мальчик Саша, мы ему скажем, что все пирамидки белые». Приходит новый мальчик, и психолог спрашивает у детей, с которыми договорился: «Какого цвета пирамидки?» Они отвечают: «Все белые». Спрашивает у нового мальчика: «Какого цвета пирамидки?» Тот отвечает: «Все белые». Тогда психолог предлагает ему: «Возьми черную», – мальчик берет. «Почему же ты сказал, что все белые?» Он не знает, что сказать, отвечает: «Так показалось». И так несколько раз: все дети принимали «правила». Кроме одного очень серьезного мальчика, который встал в боевую позицию и сказал: «Две белые, одна черная», – то есть он уже вступил в бой за правду.

Этот же эксперимент проводили с двадцатилетними студентами, и повторилось то же самое. Коллективное сознание, коллективный опыт – очень сильные. Поэтому наш вопрос об апостоле Фоме вполне уместен.

Апостол Фома, может, и хочет поверить в Воскресение, но очень боится быть обманутым. А ведь он очень похож на апостола Петра. Апостол Петр сказал такие слова: *С Тобою я готов и в темницу и на смерть идти* (Лк. 22, 33). А апостол Фома, когда Христос шел воскрешать четверодневно умершего Лазаря, думая о том, что Христос в Иерусалиме пострадает, сказал: *пойдем и мы умрем с Ним* (Ин. 11, 16). То есть у апостола Фомы была внутренняя готовность быть верным до конца. И он тоже эту верность не выдержал, не сохранил – ушел вместе со всеми.

Интересно, что апостол Фома не принимает свидетельства о Воскресении Христовом. Не принимает этой маленькой собственной радости апостолов, которая говорит о том, что все теперь в порядке, все теперь хорошо, что уже ничего страшного не будет, что теперь, раз Христос воскрес, все эти ужасы, гадости, пытки, все страшное – в прошлом. Они уже не боятся, потому что раз Он воскрес – все, Он победитель. Он воскрес. Но двери закрыты. Окна закрыты. Никуда они не пошли. На проповедь их послали, а они никуда не пошли.

Без успокоения

Апостолу Фоме такого свидетельства о Воскресении мало, и он говорит очень дерзкие слова: *если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю* (Ин. 20, 25). Это самый достоверный опыт познания – через осязание. Казалось бы, ну как к Богу можно обращаться с такими словами? Ну как можно требовать от Христа подобное?

И вот что поразительно. Христос приходит как раз на девятый день к Фоме, и апостолы видят то, что, скорее всего, они не заметили в первый раз: Христос воскрес, а раны остались. Христос воскрес, но Христовы страдания зияют на Его воскресшем теле. Его тело не залечилось, не стало сильным и здоровым – ничего подобного.

И Он говорит: *подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим*. Фома сказал Ему в ответ: *Господь мой и Бог мой! Иисус говорит ему: ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны невидевшие и уверовавшие* (Ин. 20, 27–29). Да, пожалуйста, вложи свой перст вот в эти раны. Коснись этих ран. Коснись этого прободенного ребра. И не будь неверующим, но верующим.

Фома отвечает: *Господь мой и Бог мой!* – это первое свидетельство, когда Христос назван Богом, а не просто Сыном Божиим, как говорил апостол Петр: *Ты – Христос, Сын Бога Живаго* (Мф. 16, 16).

Выражение *Сын Бога, Сын Божий* может толковаться по-разному. Так Христос Своим оппонентам, когда они заявляют: «Что ж Ты Себя Сыном Божиим называешь?» – говорит следующее: «Но разве не сказано в вашем Писании, что все вы сыны Божии? Разве не сказано в Писании: *Из Египта воззвал Я сына Моего* (см. Ос. 11, 1; Мф. 2, 15), – называя сыном весь народ израильский?» И иудеи говорят Христу: «Мы не от любодеяния рождены, единого отца имеем – Бога».

А здесь свидетельство: «Ты – Бог. Ты – Господь. Ты – истинный Бог», – которое звучит от Фомы, потому что Фома не признает Воскресение Христа как успокоение, как избавление от ответственности за прожитое. Он не признает Воскресение Христа как изменение к лучшей жизни, потому что Христос воскресает в ранах, в язвах воскресает. И если твой Учитель воскрес для тебя таким, то и путь за твоим Учителем будет таким же.

Какое отношение мы имеем к Фоме? Самое прямое. Тело ломимое, Кровь изливаемая, которыми мы причащаемся, целуя потом Чашу, как ребро Спасителя, – все это имеет прямое отношение к нам.

Не всегда наше участие в Таинстве Причащения осознается нами правильно и глубоко. Для кого-то это исцеление души и тела, т. е. избавление от некоторых проблем душевно-телесных. Для кого-то – наполнение энергией, я причащаюсь, у меня должны быть силы. Для кого-то – очищение и прощение грехов. Мы очень часто воспринимаем причащение Святых Христовых Тайн как возможность разрешения наших проблем, освящения нашей жизни, приобщения к Божественной благодати и в том числе как наше личное, частное благочестивое дело.

А вот если по-другому посмотреть и почувствовать, и подойти как Фома, тогда Чаша, которой мы причащаемся, – Чаша страданий Христовых и Его Воскресения – должна для нас быть иным, по-другому осмысляться как способ нашего богообщения.

К Чаше за духовным удовлетворением?

Как это осмысляется Фомой? Апостолы сидят и никуда не идут, они хотят сохранить свою маленькую радость Воскресения Христова, свою маленькую Пасху, для себя. Их словам Фома не верит, а это значит, что их словам не поверит никто, когда они выйдут из этой горницы и скажут: «Христос воскрес!»

А слова их не имеют никакой силы, потому что Воскресение Христа оказалось для них личной маленькой радостью, которая наконец-то избавляет их от определенных сложностей в жизни.

Так и мы после поста, после долгих исповедей, после каких-то постовых искушений считаем, что наконец наступила Пасха и можно сесть за стол, расслабиться. Наконец...

И мы очень быстро расслабляемся. У нас происходит примерно то же самое похмелье, то же опустошение, как у людей после Нового года. Мы после Пасхи часто не можем себя собрать, и уныние христиан на второй-третьей неделе после Пасхи мало чем отличается от уныния, которое бродит в посленовогодний период.

Христиане не могут понять себя. За такой короткий период – радость, Светлая неделя, Христово Воскресение... А где же это все внутри себя? А этого ничего нет, это куда-то все ушло. И радость ушла, и уже на эту пасху с куличом смотреть не можешь, потому что не радуется. В церковь приходишь – и тебе тяжело уже молиться: то, что ты сделал во время поста, воспринимается уже как тяжелый труд. Ты сокращаешь правила, что-то еще себе потихонечку позволяешь.

Почему с нами это происходит? Почему Пасха Христова не является такой радостью, которая могла бы что-то изменить не только в нас самих, но и вокруг нас? И почему Пасха Христова – это такое частное христианское дело, почти квартирник, почти Новый год?

Наверное, потому, что мы не понимаем, что Христос воскрес с прободенными руками, сохранив Свои раны. Эти раны – источник нашей жизни. И когда мы приобщаемся Святой Чаши Христовой и ищем в ней для себя некоего духовного удовлетворения, уверенности, благополучия, утверждения, то мы, наверное, не туда идем.

Ну как можно подойти к Чаше, где Кровь распятого Бога, где Его прободенное Тело и язвы? Что с тобой, по-твоему, должно случиться, если ты причащаешься распятого Христа? Можешь ли ты от этой Чаши получить благополучие? Можешь ли ты от этой Чаши ожидать, что в твоей жизни все будет хорошо и ничего не изменится в сторону Христа? И в сторону Креста? И в сторону Голгофы? И в сторону гроба Господня? Готов ли ты к язвам прикоснуться и остаться в своем надежном уверенном состоянии?

Апостолы после этого очень многое поняли. Судьба каждого из них – принять раны Христа на свое тело. *Я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем* (Гал. 6, 17), – сказал апостол Павел. Таким для него было Воскресение Христа, подобно апостолу Фоме он язвы Христовы на тело свое воспринял. И это касается всех апостолов. Никто из них не закончил свою жизнь благополучно, каждому из них была дарована возможность носить язвы Господа на своем теле, пройти через свою Голгофу и встретить свое воскресение.

Поэтому и приобщение Святых Христовых Тайн каждого христианина призывает к тому, чтобы он возвещал Воскресение Христово не подобно апостолам за закрытыми дверями, а подобно апостолу Фоме, который касается Его язв.

Тогда твоя Пасха становится постоянным твоим воскресением, постоянным твоим преображением, постоянным твоим прикосновением ко Христу воскресшему. Ты касаешься Христа воскресшего – и ты Им живешь. Ты не берешь у Бога себе часть Божественного, а берешь себе в друзья Самого Бога.

Благодарить за все...

Чаще всего мы хотим не Бога, а Божьего, а отдаем Ему не нас, а наше. Так очень удобно. Дай мне мое, а я Тебе дам мое. А Господь говорит как блудному сыну, как старшему сыну: *сын... все мое твое*. (Лк. 15, 31). И вот это *все Мое твое* – это и есть Чаша Христова Воскресения, которой мы приобщаемся. К ней мы подходим, чтобы жизнь Христова была в нас, но эта жизнь Христа распятого, с прободенными руками, с ранами Его тела, и – воскресшего Христа. И взять в этой Чаше можно все – или ничего. Быть готовым причащаться Христовых Тайн и быть готовым к Воскресению Христову. И тогда понимаешь, что радость, которую тебе дает Христос, «Се бо прииде крестом радость всему миру», она заключается именно в этом.

Почему нам Священное Писание все время говорит, чтобы мы радовались? Чему радоваться? И где эту радость взять? А об этом говорит: *Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, о всем благодарите – сия бо есть о вас воля Божия* (1 Фес. 5, 16–18). Воля Божия, чтобы мы все время радовались, непрестанно молились и за все благодарили. Это очень сложно и тяжело.

Мы знаем, как тяжело молиться, так же тяжело радоваться, так же тяжело за все благодарить. Но это подвиг, к которому человек должен себя уготовить. Человек, который пытается благодарить, конечно же, будет радоваться.

Если каждый из нас попробует в конце дня вместо длинной молитвы с перечислением всех грехов вспомнить свой день, сказать Богу простые слова: «Господи, я Тебя благодарю за то, что сегодня была хорошая погода; за то, что я сегодня не опоздал на работу...» – и так далее. Важно найти в своей жизни простые вещи, на которые мы не обращаем внимания, потому что мы, вообще-то, не умеем Бога благодарить. И не ищем возможности.

Мы благодарим Бога, когда у нас случается что-то неожиданное для нас: «Ну, Господи, помоги! Ну, Господи, помоги! Ой, слава Тебе, Господи!» – и тут же забыли. А благодарить –

это значит все время чувствовать, что Господь рядом с тобой. Тогда это чувство благодарности к Богу делает человека удивительным.

Недавно мне пришлось причащать маму и ее 4-летнего ребенка, у которого рак и он находится в коме. Прекрасная семья, замечательные благочестивые христиане. И вот случилась беда. И мне эта женщина говорит такие удивительные слова: «Я так благодарна Богу, и если бы у меня была сейчас возможность все поменять, я бы не поменяла, я бы все это так и приняла, потому что я вдруг так близко узнала Бога, как не знала никогда».

Она ран коснулась, понимаете? Она коснулась Воскресшего и перестала бояться, она способна благодарить в той ситуации, когда обычный человек не может благодарить.

Мы все время от этого отстраняемся. Нам очень страшно коснуться Христовых ран. Нам очень страшно подойти к воскресшему Спасителю. Не к Тому, Который так красиво на иконе изображен весь в сиянии, а вот к Такому, к Которому Фома пришел.

Оказывается, когда человек способен Такого коснуться, его радость уже не покинет, что бы с ним ни произошло, какая бы жуткая трагедия и беда в его жизни ни случились. Потому что он не испугался по-настоящему принять Бога в свою жизнь. Не испугался открыть Ему дверь в тяжелейший момент своей жизни.

Эта мама говорит: «Я благодарю Бога за все, что есть, за каждый день, за каждую минуту. Мы сейчас сидим с Матвейчиком, он все слышит, на все реагирует, но просто уже не просыпается».

Если мы попробуем каждый день благодарить Бога за самое малое, простое – за то, что Господь дал нам возможность в этот день с кем-то хотя бы не поругаться, а уж если с кем-то улыбнуться, то вообще замечательно. Тогда каждый день, когда мы будем благодарить Бога, эта благодарность обязательно будет рождать в нас чувство покаяния, чувство молитвы, потому что поймем, что даже этого малого мы не достойны, потому что Бог нам все это послал, а мы в этот день были вот такими, такими и такими.

И не надо будет читать последней молитвы, потому что сразу все встает на свои места. Мы поймем, насколько мы Богом любимы, что Бог нас любит, несмотря ни на что, и сердце, конечно, не может не радоваться от этого. И эта радость постепенно наполнит нас.

Это подвиг – вот так себя понуждать на благодарность. Это подвиг – себя понуждать на радость. И это подвиг – касаться Христа, давая возможность Богу войти в нашу жизнь по-настоящему, и увидеть, что Бога можно благодарить за все и что с Богом нестрашно. Бог дает нам возможность коснуться Его ран, и это для нас оказывается так важно, что мы без этого не можем жить.

Тогда ты идешь причащаться Святых Христовых Тайн, и эта радость, благодать и мир, которые получили апостолы, являются твоим внутренним содержанием, потому что ты причастился воскресшего Христа, и Воскресение Христово тебя делает немного иным, пока незаметно. И это Воскресение Христово так тебя наполняет, что и другой человек оказывается способным от тебя чем-то вот этим, воскресным, зажечься. И постепенно, понемножечку ты начинаешь свет Воскресения вокруг себя распространять, нести его всем, потому что это оказывается не твоим личным делом. Как и причастие оказывается не только делом твоего личного благочестия, а делом твоей жизни, делом твоей веры, делом твоего общения с Богом.

Тогда ты не просто говоришь «Христос Воскресе!» и яичко бьешь в ответ на другое яичко, а эти слова вылетают из тебя, как главные слова твоей жизни. И уже ни Новый год, ни пост, и ничто тебя со Христом не разлучает, потому что ты всегда живешь этим и переживаешь горче всякого горя, когда вдруг Христос от тебя за что-то куда-то отступает и меркнет этот воскресный свет.

Важно понять, что для нас Воскресение Христово, как мы к нему относимся. Хорошо бы, если бы относились как апостол Фома. Каждый год на Пасху читаются такие знакомые слова, Евангелие от Иоанна: *В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...* В

этот раз меня как-то особенно пронзительно коснулись слова: *И свет во тьме светит, и тьма не объяла его* (Ин. 1, 1, 5). Совершенно неожиданно для себя я вспомнил рассказ Виктора Драгунского «Он живой и светится» про маленького мальчика, у которого в спичечной коробке жил светлячок. Для этого мальчика этот светлячок был самой большой драгоценностью. Я тогда подумал, как было бы хорошо, идем мы по улице, а навстречу нам идет какой-то другой человек, смотрит на нас и говорит: «Он живой и светится».

Что самое плохое в христианстве?

Однажды мне позвонила корреспондентка из какого-то непонятного мне СМИ и задала вопрос: «Скажите, пожалуйста, батюшка, а что самое плохое в христианстве?» Я не задумываясь ответил: «Самое плохое в христианстве – это христиане!» Все остальное – очень хорошее.

Это действительно так. Самое отвратительное и ужасное в Церкви – это мы, верующие люди. Самые плохие – священники, потому что они на виду. И это происходит не потому, что Церковь специально выращивает дурных людей и ставит задачу испортить отношения со всем остальным обществом, и не потому, что Церковь активно занимается формированием злого, напыщенного сознания людей. «Мы не якоже прочие человецы», мы такие, а все остальные – непонятно кто. Как раз нет! Все, что не видно в супермаркете и на что не обращаешь внимания, например, когда тебя толкают в электричке, – почему-то именно в церкви становится вдруг ужасно неприятным, гадким, отвратительным, обидным и болезненным.

Почему? Что происходит в этом странном месте, где все неожиданным образом начинает вылезать из всех щелей, проявлять себя и болеть? Это может сказать о себе любой человек, который пришел в церковь не для того, чтобы использовать церковь в качестве комбината духовно-бытовых услуг. Ведь, по большому счету, церковь мыслится большинством людей – верующих и неверующих – прежде всего как огромный комбинат бытовых услуг, в котором все должно быть устроено таким образом, чтобы человек пришел, быстренько, с удобством для себя совершил определенные действия, получил желаемый результат и благополучно ушел восвояси. Для большинства людей, которые считают себя верующими, церковь – это пространство купли и продажи.

Более того, к сожалению, в церкви так все сегодня устроено, что и само священство очень часто использует пространство храма именно с этой целью, потому что так удобно. Благодаря этому храм может спокойно существовать материально, священник может не думать о том, чем кормить свое многочисленное потомство. При правильной постановке можно даже хорошо наладить социальную работу, например, открыть воскресную школу, обеспечить детей учебниками, ветеранов на праздники поздравлять. Все это, казалось бы, правильно, потому что храм материально обеспечен.

Собственно говоря, споры Иосифа Волоцкого и Нила Сорского не затухли в истории, проблема стяжательства и нестяжательства, проблема имущества Церкви и, наоборот, отказа от имущества – это не проблема сегодняшнего дня, это вековая проблема. Как совместить, чтобы храм, с одной стороны, был материально обеспечен, с другой стороны, чтобы не было, как Христос сказал: не делайте из дома Моего дома торговли (см. Ин. 2, 16). Эти слова из Евангелия не вычеркнешь. Но об этом мы забываем, и храм у нас обычно существует как дом торговли. Это надо признать честно: церковь воспринимают как некое место, где можно воспользоваться чем-то определенным, купить что-то за деньги, взять для себя и унести.

Это наша проблема, проблема сегодняшних верующих людей, проблема священства, того самого «поповства», которое нестерпимо. Особенно сейчас с этим не хочется мириться, потому что люди приходят в церковь не за этим. Не многие, но все чаще и чаще. Приходят не за тем, чтобы поставить свечку, заказать молебен, покрестить ребеночка и забыть навеки об этом, а потом принести в церковь хороший такой гроб и попросить батюшку поскорее отпеть покойника, потому что поминки ждут.

А вот когда человек приходит не за этим, когда церковь и храм Божий – это не коммерческое предприятие (хоть и с высоким духовным потенциалом), а что-то совсем другое, тогда с человеком происходит то, с чего я начал свой разговор.

Именно в церкви всякая грубость, всякая неправда, всякое лукавство, всякое несоответствие даже каким-то обычным человеческим представлениям звучат диким диссонансом.

Человек, который приходит в храм, первым делом испытывает часто дискомфорт, неуверенность, внутреннее напряжение, потому что вдруг понимает: то, что в нем, никак не соответствует тому, что здесь живет. В этом месте человек вдруг начинает понимать о себе, что он совсем не тот, кем вообще должен быть человек. Все вдруг в человеке – гадкое, мерзкое, неприятное, ложное – начинает вылезать наружу, и другие могут этого даже не замечать, не видеть: мы же умеем себя показывать с лучшей стороны. Мы умеем себя маскировать, принимать правильный вид, говорить правильные слова. Только наши близкие, родные могут видеть, какие мы на самом деле, только перед ними мы не стесняемся быть самими собой, поэтому у нас часто возникают скандалы дома, близкие не хотят нас такими видеть, обижаются на нас, семьи распадаются из-за этого. Потому что друг с другом мы уже не боимся показывать всю свою подноготную.

В храме оно само вылезает, потому что человек встречается с Богом. А при встрече с Богом, даже если человек не понимает еще, что он встречается с Богом, он потихонечку начинает понимать, кто он такой. Это знание о себе часто бывает нестерпимым, очень тяжелым, очень неприятным. Человек не любит себя видеть вообще в свете. Мы привыкли, создавая свой образ, в него верить. Когда человек приходит в храм, этот образ разрушается. Не многие соглашаются оставаться в храме, видя себя дурными, поэтому многие из-за этого перестают ходить в церковь. Они недовольны храмом, недовольны церковью, потому что здесь они чувствуют себя не в своей тарелке. Внезапно они чувствуют себя нехорошими людьми! Для них очень важно, чтобы храм оставался домом торговли. Если храм остается домом торговли, то к нему, конечно, можно предъявить кое-какие претензии: «У вас цены очень высокие! У вас дурное обслуживание, хамят!»

Зачем Церковь нужна человеку?

Что же такое Церковь? Зачем она нужна людям? Почему Церковь все время является таким проблемным местом для общества и для нас самих? Почему нам самим так непросто в Церкви? Что бы нам такое сделать, чтобы не то что облегчить наше внутрицерковное состояние, а сделать его как бы настоящим, потому что, действительно, очень много такого, что никак не складывается между мной, скажем, и этим потрясающим местом, которое мы называем «Церковь».

На первый вопрос мы попытались коротко ответить. Люди часто ходят в церковь, потому что это место, где можно что-то хорошее и доброе для себя получить и с этим хорошим и добрым потом пойти домой и этим какое-то время пользоваться. Обычно человек приходит в церковь, потому что у него есть такая нужда, и в другом месте он не сможет получить такую услугу. Например, где еще покрестишь ребенка? Где еще освятишь машину? Где еще отпоешь покойника? Еще проблемы со здоровьем. Есть, конечно, экстрасенсы, но тут как-то непонятно, а Церковь все-таки 2000 лет лечит и помогает, есть специальные иконы, молебны, святые. Человек понимает, что все это открыто, доступно, легко. Конечно, смущаешься, приходишь в незнакомое место, не совсем правильно, может быть, перекрестишься, боишься, что на тебя не так посмотрят.

Но ради этого человек готов рискнуть, переступить порог храма, чужого пространства, встретить неизвестных людей, чтобы получить то, что нигде в другом месте не получишь. Он идет сюда с надеждой на это. Хорошо это или плохо? Правильно или неправильно? Правильно, конечно, но до определенного момента. Это может быть правильно, но может быть и неправильно. Вот в чем все дело. Потому что человек идет в церковь, не задумываясь, к Кому он идет. Перед ним вопрос: не к Кому я иду, а что я получаю.

Церковь – комбинат духовных услуг?

Человек не задумывается, к Кому он идет, у Кого он просит, по большому счету, он даже не задумывается, Кто или что такое тут есть, что вдруг начинает действовать. У человека есть четко сформированное знание: если я заплачу, то эта плата является актом того, что в ответ я что-то получу. Мы же привыкли: я плачу и получаю. Я заплатил – мне дали. Тогда в храме самым главным местом становится что? Церковный ящик. Мы это часто видим: идет в храме литургия, открыты Царские врата, священник молится, а огромное количество людей стоит к алтарю спиной, потому что самое интересное происходит там. Там тебе подскажут, кому ставить свечку, там у тебя примут записку, там ты закажешь сорокоуст. Человек понимает, что записка, сорокоуст, молебен – все хорошо. Свечку поставил, все я правильно сделал? Все правильно!

Недавно мне моя матушка рассказала такую историю. Она зашла в один из центральных московских храмов, в котором есть чтимая в Москве икона Божьей Матери. За ящиком стоит такая красивая православная христианка, светлые волосы, красивое дородное лицо, белая косынка – просто «Русь святая, храни веру православную». К ней подходит женщина, такая бизнес-леди, лет за сорок, такие длинные ногти тигриные, вся в раскраске. Она подходит и говорит: «Знаете, у меня такая проблема. Я тут всех своих поувольняла, и у меня начались большие неприятности. Я бы хотела так сделать, чтобы их злобу смирить, тех, кого я поувольняла. Я хотела бы за них помолиться». То есть человек правильно понимает, что она причинила кому-то неприятность, за эту неприятность сейчас получает тоже большие неприятности, но ответить на это надо добром. Видимо, какой-то архетип такой внутренний есть. Что бы доброго мне для них сделать?

Женщина в косыночке, сразу так оценивая, прикинула, что перед ней за человек. «Значит, так. За каждого сорокоуст, за каждого молебен со здоровьем, в алтарь вина, свечу, елей». И насчитала быстренько: «3700. А для себя-то ты что будешь делать?» – «А для меня что?» – «Для тебя. Свеча, елей, вино в алтарь. Сорокоуст, еще, еще... И вот еще: я тебе сейчас диск дам нашего хора. Ты будешь его включать в машине, в офисе и дома, и будет тебе это как оберег!» Та совершенно успокоилась, она теперь знала, что делать. Когда она записывала свое имя, моя матушка услышала, что ее зовут Марина, и она к ней подходит потом и говорит: «Знаете, здесь есть икона святой великомученицы Марины с частичкой мощей». – «Да, а где?» – «Вон там». Потом ее эта женщина догоняет и говорит: «Можно вас?» Матушка подходит к этой иконе, и та спрашивает: «А делать-то что?»

Человек пришел в храм и даже не услышал, что можно молиться Богу, можно читать Евангелие, что есть Таинства Церкви. Он пришел правильно или неправильно? И правильно, и неправильно! Человек приходит за своим, и ему дают правильный совет. Разве неправильно заказать сорокоуст? Разве неправильно заказать молебен? Правильно. Разве неправильно пожертвовать вино, свечу на литургию? Правильно. Все вроде правильно. Когда человек приходит за этим, церковь понятна, доступна. Единственное, надо знать, где платок надеть, как перекреститься, как и к кому обратиться, – то есть простые правила поведения в незнакомом месте. В музее такие же правила есть – сюда не садиться, пальцами в картину не тыкать. В каждом пространстве есть свои правила, если их хорошо изучить, то и с церковью проблем не будет. Ты приходишь, заказываешь, оставляешь деньги и уходишь, оно само здесь работает. Батюшка свои деньги получает, певчие свои песни поют, все хорошо. Кадила дымятся, святая вода льется непрерывающимся потоком.

Большинство людей, даже церковных, считает, что церковь устроена именно так, потому что когда человек приходит в церковь таким образом, у него кроме хорошего чувства ничего не остается, если, конечно, цены не очень высокие. Бывает, что он расстраивается, потому что

его тут очень «раскрутили», такое тоже бывает. Остальное – все хорошо. Знаем, когда ходить в храм, знаем, когда освящать куличи, знаем, когда крещенская вода, а когда богоявленская, и что хорошо бы воду из разных храмов взять, – все мы прекрасно знаем. Знаем, каким иконам молиться. Знаем все свойства святой воды, когда ее пить – натошак, при каких обстоятельствах. Все знаем, но не знаем главного – где тут Бог? Есть ли Он здесь?

И возникает новое общество людей, которые говорят: «Мне церковь для этого не нужна, я и без церкви Бога знаю, разве я без церкви не могу молиться Богу? Могу. Меня Бог только в церкви слышит? Нет. Зачем тогда мне церковь нужна?»

Мне говорит человек, более или менее просвещенный, с высшим образованием: «Мне не нужны эти ваши записки, свечки, мне не нужна святая вода, я без нее обхожусь. Я хороший человек, я христианин, зачем мне церковь, если я читаю Евангелие дома? Я вообще очень много читаю, я очень образованный человек. И молюсь я Богу, и Бог меня слышит, зачем мне ваша церковь? Мне покупки ваши не нужны!» А что ему на это ответишь? Кто-то скажет: «Там же есть причастие, исповедь – Таинства!» Для того чтобы объяснить человеку, что это такое, оказывается, не хватает какого-то правильного понимания, потому что для очень многих христиан Таинство Церкви – это тоже особый духовный продукт, который человек использует для себя, для своих маленьких нужд. Поэтому самое главное может быть для людей непонятно. «Если я согрешил, то я попрошу прощения у того, кого обидел. А когда у Бога попрошу прощения своими словами, Бог меня не простит? Скажите, если я искренне попрошу у Бога прощения вне церкви, это считается или не считается?» Я тоже думаю, что считается. Тогда зачем она нужна, церковь?

Церковь – хранительница любви

Есть еще люди, которые ходят в церковь регулярно, считают, что церковь нужна, все исполняют, казалось бы, живут постами, утренним и вечерним правилом, исповедуются, причащаются и все делают правильно, но почему-то очень злые. Часто так бывает. Церковный человек, но почему-то какой-то не такой. Какой-то он неживой, неправильный. Многие люди вне церкви как-то добрее, светлее, радостнее. А тут церковный человек – и какой-то не такой.

Я помню замечательный случай, с грустью, конечно, замечательный. Я гостил за границей у своих друзей, людей совсем нецерковных и некрещеных, но очень хороших. Наступает воскресенье, и я прошу: «Юр, отвези меня в храм православный». Мы посмотрели по Интернету, где тут есть русская православная церковь, поехали. Это был какой-то зарубежный приход. Я пошел в храм на литургию, а он остался меня ждать. Когда я вышел со службы, он у меня спрашивает: «А что тут у вас в церкви такое случилось?» Я говорю: «Ничего не случилось, все нормально, обычная воскресная служба». – «Да? А почему все люди выходят с такими злыми глазами, лица у всех такие тяжелые? Как будто несчастье какое-то произошло! Никто не улыбается. Почему такие все угрюмые?» Это категория людей, для которых церковь – это нечто такое...

Что же такое Церковь? Где она? Для чего она? Что значат слова Христа, которые Он сказал: *Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее* (Мф. 16, 18)? Для чего человек приходит в Церковь? Что Церковь может человеку дать, чего он не может получить в другом месте? Кроме покупок духовных есть ли что-то другое? Есть ли что-то важное для человека? – Любовь. Оказывается, вот что никто не слышит, не видит и не знает.

Церковь – хранительница любви. Чтобы это понять, какой же человеку приходится тяжелейший путь пройти! Наша родная Церковь к этому сегодня почти не приспособлена, почти не дает ясного, явного свидетельства, что Церковь – это любовь. Церковь – это прежде всего место, где человек может напиться любовью, насытиться любовью. Есть такая старенькая английская песня шестидесятых годов: «Все, что тебе нужно, – это любовь» («All you need is

love»). По-настоящему Церковь только для этого и существует! Это не то место, где можно что-то взять и унести. Не то место, где можно каким-то образом устроить свою жизнь, а то место, где можно, во-первых, получить любовь, а во-вторых, научиться этой любви.

В кондаке преподобному Сергию есть такие слова: «Христовою любовью уязвився». Очень интересно, что на самом деле эта любовь открывается человеку, когда он находится в каком-то «треснутом» состоянии, надломленном, разломленном. Очень часто человек стремится быть таким монолитом, быть зацементированным, забетонированным, чтобы никто до него не достучался, потому что так ему спокойнее, увереннее. Он чувствует свою незащищенность в этом мире, ему кажется, что если он забетонирует себя, то вроде он защищен, вроде он в бронежилете, который не прострелят.

И это сразу делает его недоступным для очень многого. Помните, как в Евангелии Христос говорит Петру перед Своими страданиями: *Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда, обротившись, утверди братьев твоих* (Лк. 22, 31–32).

Какой интересный образ – «сеять как пшеницу». Каждое зернышко само по себе, – и как легко всех перекидывать поодиночке! Вообще образ пшеничного зерна очень интересный! Маленькое зерно – это почти камень, оно мертвое, твердое, закрыто и отделено от других зерен. Оно, *еще не умрет*, не принесет плода. С этим зерном в Евангелии очень многое связано, это прообраз Церкви, прообраз каждого человека, который может остаться один, почти что камнем, а может вдруг прорасти. Чтобы зерно проросло, нужно, чтобы что-то в нем лопнуло.

Долгий путь преображения

Есть два образа, которые Церковь хранит, как два образа преображения, и из них складывается церковная символика – это хлеб и вино. Из зерна, маленьких, твердых, отдельных зернышек, получается хлеб. Для того чтобы зерно стало хлебом, зерен должно быть много, их надо все перемолоть, обратить в пыль, потом залить водой и замесить тесто, иногда нужно добавить закваску, чтобы получившееся тесто скисло, его пекут. И только после этого зерно превращается в хлеб.

Смотрите, какой длинный-длинный путь преображения проходит зернышко, чтобы стать хлебом. И потом этот хлеб приносят на Евхаристию.

Так же и виноград: его топчут, давят, он тоже бродит, тоже проходит очень долгий путь преображения.

Человек в Церкви – как зерно и виноград. Если он придет сюда не за тем, чтобы покупать, не чтобы уносить, а чтобы быть с Богом, – то с ним неминуемо начнется этот удивительный процесс преображения. Как вы понимаете, если зерну сказать, что его истолкут в пыль, а виноградине сказать, что ее истопчут, – вряд ли это им понравится, вряд ли это будет воспринято как действие любви. Тем не менее это ведь действие любви.

Когда человек приходит в храм не покупать, он чувствует себя совсем не так, как в другом обществе. Он вдруг чувствует, что он не такой как надо. И тут возникает желание: я хочу быть другим. Тогда для него нет другого пути, кроме как согласиться, чтобы с ним сделали то, что делают с зерном и виноградом. Иначе уходи отсюда, а потом всю жизнь оправдывай свой уход тем, что эта не та церковь, не те люди, не те батюшки, не те старушки. Ты вдруг понял, кто ты есть на самом деле, а дальше идти испугался.

Если ты не испугался дальше идти, тогда Церковь тебя всего перемелет, перемнет, весь сок из тебя выжмет. Неприятные слова, но если этого не случится, ты никогда не родишься для любви, никогда не откроешь себя и никогда не сделаешься раной, через которую в тебя сможет проникнуть Бог.

Церковь только ради этого и существует, чтобы встретились человек и Бог, чтобы человек, совсем не похожий на Бога, ничем не похожий на Бога, вдруг стал бы на Него очень-очень похож. Здесь происходит это чудо, и оно происходит именно потому, что человек не боится всего себя принести Богу.

Одна из самых глубочайших проблем нас, христиан, заключается в том, что мы все время приходим за тем, чтобы что-то взять. Церковь для нас – место, где мы все время что-то берем. Подай, Господи! Подай, Господи! И нам кажется, что когда мы приходим на богослужение, мы приходим служить Богу. Какая же это странная служба – мы пришли Ему служить, а сами говорим: «Подай, Господи!» Мы с утра пораньше встали, не поели и не попили, пришли на исповедь, пришли на литургию – как много мы сделали для Бога, как мы здорово Ему послужили! Как Он радоваться должен, что мы Ему хором служим, что хор поет, кадила звенят, – Богу, наверное, нравится!

Мы не задумываемся о том, что все ровно наоборот! Мы приходим в храм и всегда сталкиваемся с тем, что Бог начинает нам служить. Вот настоящее богослужение, то самое, которое произошло на Тайной вечере, когда Господь собрал Своих учеников, снял с Себя верхнюю одежду, препоясался лентием, достал тазик, налил туда воды и стал умывать ноги Своим ученикам. Вот оно – Богослужение! Это Богослужение лежит в основе христианского богослужения! Над Царскими вратами в некоторых храмах висит икона Евхаристия, но часто на этом месте – омовение ног, Тайная вечеря, Великий Четверг – установление Божественной литургии, день рождения Таинства Церкви. Христос совершает Свое служение, Бог служит человеку!

И вот человек вдруг начинает понимать: я иду в храм, а Бог мне будет служить. Я такой маленький муравейчик, сейчас приду в храм, а Бог меня всего очистит, всего омоет, всего накормит, всего напоит – Самим Собой! И все Свое Он отдаст мне. Все, что у Него есть, Он готов отдать мне. Помните, как Христос молится Богу Отцу как раз на этой Тайной вечере? Говорит: *Отче, все Мое Твое, и все Твое Мое!* (Ин. 17, 10). Эти слова на Тайной вечере касаются и человека, пришедшего в храм. Он приходит в храм, и здесь Господь ему дает все Свое, всего Себя в Таинстве Евхаристии. Не какой-то кусочек, не что-то маленькое-маленькое или большое-пребольшое, Сам Христос в Тайнах Святых всего Себя отдает каждому из нас!

Он всего Себя отдает в тайне исповеди, Он ведь все грехи наши прощает. Мы-то думаем, что нам по списку надо все исповедовать. Мы-то все время с Ним в какие-то игры играем: простит – не простит, забыл – не забыл, все ли я написал? Господь по списку все прощает или по милости прощает? В бухгалтерию заносит наши грехи или Любовью Своей покрывает все? И понимаешь, что никакой бухгалтерии небесной не существует, что все эти записочки с грехами – это наше недоверие, маловерие, невнимание и непонимание того, что происходит на Таинстве Исповеди.

Но мы-то приходим по-другому. Он нам говорит: *все Мое – твое*, а мы приходим и говорим: «Знаете, нет. Мне бы немножко здоровья, успехов в труде и счастья в личной жизни, а всего не надо! Всего, может, в другой раз, потом, а сейчас мне нужно только это, мне не надо всего!» Я попостился, правила почитал, что еще от меня надо? Надо тоже всего! Церковь как раз и учит человека не бояться отдавать себя Богу, не бояться принимать Бога. Человек и Бог встречаются по-настоящему в тот момент, когда человек оказывается способным или хотя бы у него в душе возникает желание сказать Богу: «Господи, пусть все мое будет Твоим!»

Как это страшно сказать! Человек скажет, а потом думает: «Ах, а как же я буду с Богом-то?!» *Выйди от меня, Господи, потому что я человек грешный* (Лк. 5, 8), – говорит Петр в Евангелии. Весь Бог рядом с ним, а он такой грешный, так жить с Богом очень страшно. Оказывается, людям, которые по-настоящему могут жить в Церкви, – им жить страшно. Им жить страшно, потому что они пытаются научиться доверять себя Богу. Научиться доверять себя Богу очень страшно, потому что мы привыкли ходить по земле, мы привыкли хранить деньги в сберегательной кассе, мы привыкли иметь опоры в жизни, и вроде Бог нам здесь как некий

бонус. У нас все земное есть, а теперь мы стали еще немножко духовнее! Тогда получается, что у нас не жизнь, а малина! Мы твердо стоим на ногах, у нас есть надежное будущее, что-то мы правильно сделали и рассчитали. Хорошо бы еще понять, что Бог нас не забыл. Вот мы все земное построили, и пусть Бог это все хранит. Трудно себе представить распятого Христа, Который следит за нашими сберкнижками. Нам бы этого хотелось, но этого не будет для тех, кто ищет Бога. Человеку очень тяжело и страшно жить в Церкви, потому что:

а) в Церкви он видит себя таким, какой он есть на самом деле, – и это неприятное зрелище;

б) в Церкви он абсолютно обнажен для любви, он уязвим.

Потому что если он становится уязвимым для Бога, он тут же становится уязвимым для всех остальных людей. Это значит, что его легко обмануть, он не имеет права себя защищать такими способами, какими люди привыкли себя защищать: «Ты дура!» – «Сама дура!» – уже так не скажешь, нельзя себя так защищать. И многое другое человек уже не может сделать, он становится беззащитным. Когда он говорит Богу «все мое – Твое», оказывается, что вся жизнь его становится очень ненадежной. Жизнь человека в Церкви – это очень ненадежная жизнь, и это и есть жизнь по Евангелию. Церковь – это жизнь по Евангелию. Евангелие от Марка заканчивается тем, что воскресший Христос говорит Своим ученикам: *И сказал им: идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет. Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если кто смертоносное выпьет, не повредит им* (Мк. 16, 15–18).

Давайте с вами сейчас попробуем применить эти слова к себе. Когда-нибудь мы пытались подумать, что это говорится не только двенадцати апостолам, а вообще всем христианам? Оказывается, если мы уверуем во Христа, мы будем обладать такими способностями. Кто сейчас без страха сможет выпить цианистый калий? Никто? Это же про нас сказано! Все, что сказано в Евангелии, сказано про нас. Про то, как Лазарь Четверодневный воскресает, про бесноватого, который идет за Христом, про блудницу, которая слезами ноги оmyвает, – все это про каждого из нас, не про каких-то замечательных людей, которые 2000 лет назад жили... Про них, конечно же, но и про нас, потому что мы живем сейчас, а Иисус Христос, как было сказано в Апостоле: «Он днесь и ныне, всегда Он тот же самый»³.

Когда человек начинает себя сопоставлять с Евангелием, с этим миром, то он теряет уверенность, потому что человек, который читает Евангелие и применяет его к себе, понимает, что так жить невозможно. Ни один человек не скажет, что он может это сделать, что он способен хоть в чем-то исполнить Евангелие. Это поняли и апостолы: когда Христос позвал за Собой богатого юношу, жившего вроде церковной жизнью, исполнявшего заповеди, посты соблюдавшего, и сказал ему: *Все Мое – твое*, а в ответ Христос хотел услышать: «И все мое – Твое». Настал момент, когда надо было идти за Христом. Просто все оставить и идти за Христом. А юноша почесал затылок (богатство было большое) – и не пошел. Апостолы поняли, что так никто не пойдет за Христом: «Кто же тогда может спастись?» – спрашивают они Христа. Он говорит: «Людям это невозможно! Но невозможное человекам – возможно Богу!» (см. Мф. 19, 16–26; Мк. 10, 17–27; Лк. 18, 18–27). Если человек по своему внутреннему разумению захочет спастись, он должен признать, что и ему это тоже невозможно. Вот такая у нас Церковь странная, совершенно не на что опереться, кроме Христа, потому что только у Него все есть. А мы все время приходим за чем-то другим.

Главным желанием, главным вопрошением для нас оказывается не следовать за Христом, а укрепить наши земные позиции. Но главное-то – Христос! Если в Церкви человек не встречает Христа, такая Церковь никому не нужна. Она действительно оказывается ненужной, бес-

³ Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же (Евр. 13, 8).

полезной, домом торговли, продажи каких-то услуг – зачем она нужна? Церковь, которая освящает воду, Церковь, которая читает акафисты, – все это можно и без нее делать. Но нет другого места на Земле, где человек и Бог могут быть так открыты друг для друга, что человек, идущий к Богу, вдруг начинает быть на Него похожим. Вдруг что-то с ним происходит, как с этим зернышком или с этим виноградом, и человек незаметно для себя преобразается, будучи неуверенным, в тревоге внутренней. Многие считают, что в Церковь идут люди, которым не на что опереться. На самом деле, все ровно наоборот: именно в Церкви человек теряет свою гордыню, уверенность, что он все на свете может победить, купить, разрулить, – вот это он начинает терять. Но он оказывается способным на любовь, вдруг в нем прорывается способность прощать, молиться за обидчиков, он начинает любить того, кого полюбить невозможно. И когда все это начинает просыпаться в нем, человек начинает понимать, насколько же этого всего в нем мало, как же все это скудно, как всего этого не хватает, но ему именно этого и надо! Вдруг он понимает, что только ради этого и имеет смысл жить. Ничего другого хорошего, доброго, кроме как любви Христовой, в жизни нет. А если есть, то оно начинает быть ценным только потому, что есть Христос, потому что Христос дает тебе возможность любить, прощать, дает возможность даже из ада кого-то доставать, если ты по-настоящему с Ним. Если Сам Христос в Своем трехдневном погребении дошел до ада и ад опустошил, тогда и те, кто совсем близко ко Христу прилепились, тоже могут дойти до ада и кого-то вытащить оттуда. Мы знаем об этом, это не сказки, это реальность нашей жизни во Христе.

Тогда становится понятным, что же делает человека таким открытым для Христа. Конечно же, Евхаристия, конечно же, Причащение, конечно же, жажда быть со Христом. Приступая к Чаше, человек часто думает: «Вот это хорошее, благочестивое дело, я сейчас исповедуюсь, очищусь от грехов, причащусь, благодать Божья со мной будет, и мне будет хорошо. Эта благодать меня исцелит, укрепит, с этой благодатью я вернусь домой, и мне будет легче жить с этой благодатью!» Это еще одна лукавая ошибка. Как же можно «легче жить» со Христом? Как можно «легче жить», если в этой Чаше – Распятие? Мы же Крови причащаемся, а не малинового сиропа, мы же Плоти распятой причащаемся, а не пирожного французского, чтобы нам было хорошо и приятно. Мы слышим на каждой литургии, это Крест, который нам дает Христос. Прежде всего человек, который идет причащаться, идет причащаться Креста и Воскресения Христова. Потому что никак эту радость не получишь, кроме как через Крест.

Вот это забвение о Кресте, даже нежелание думать о нем, делает Причащение для всех нас нашим личным делом: «Люди, которые пришли в храм, мешают мне, потому что я пришел причащаться, я стою сосредоточенный, благоговейный, а мне все мешают. Дети мешают, женщины мешают – все мешают! Толкают, пихают, я иду причащаться, а мне все мешают!» Я пришел за своим, опять чтобы взять и унести. А ведь Христос дает Причащение по-другому, Он же хочет соединить нас друг с другом! Священник об этом молится на литургии: «Нас же всех, от единого Хлеба и Чаши причащающихся, соедини друг ко другу во единого Духа Святого Причащение». Какие великие слова говорит священник о каждом из нас? Мы хотим в разные стороны разбежаться, как зернышки – в разные стороны. Священник своей молитвой всех нас собирает, чтобы мы были едины, как хлеб един, собранный из разных зернышек, чтобы и мы так же были едины во Христе. Это и есть Церковь! Когда мы, все разные, непохожие, когда мы все друг друга не очень любящие, друг другу мешающие, вдруг во Христе становимся единым организмом, телом Христовым, вдруг через это мы начинаем друг друга немножечко любить, немножечко терпеть, немножечко прощать.

Церковь – экспериментальная площадка для исполнения Евангелия

Церковь, приход, община – это экспериментальная площадка для исполнения Евангелия. Потому что, прежде чем полюбить кого-то за пределами храма, мы имеем возможность полюбить своих близких, родных, которых мы братьями и сестрами называем. Мы действительно родные, и это родство может так наполнить нашу жизнь, что мы поймем: мы сюда не за чем-то своим маленьким пришли, Христос нас любит всех одинаково и хочет, чтобы мы жили во Христе единой жизнью, любовью, Христовой жизнью. Апостол Павел в Послании к Ефессянам говорит: «Братья, у вас ведь должны быть те же самые чувства, что и у Иисуса Христа! Ведь во Христе возможно, чтобы мы смотрели, как Христос, слышали, как Христос, вдыхали, как Христос, говорили, как Христос, обнимали, как Христос! Это нам дано через то, что Христос с нами соединяется! Он нам Себя отдает, чтобы мы были на Него похожи, чтобы мы стали Им!» И тогда мы становимся людьми.

Человек – это не тот, кто ходит на двух ногах, говорит на человеческом языке и пользуется мобильными средствами связи. Человек – это тот, который похож на Бога, который раскрыл замысел Божий о себе, потому что, как только человек удаляется от Бога, вся его ценность опускается до нуля. Без Бога он вообще ничего не стоит. Мы прекрасно видим ценность человеческой личности, человеческой жизни в таких обществах, где нет Бога. Советский Союз показал, насколько ценен Человек с большой буквы, как он гордо звучит. Миллионы уничтоженных во время гонений верующих, миллионы уничтоженных в сталинских лагерях. Человеческая личность вообще перестала что-то значить, чего-то стоить! Да и во всем мире так, по большому счету, – как только человек от Бога отлучен, он свое человечество теряет, он становится высокотехнологичным человекообразным существом, не более того. А приобретает человеческое тогда, когда соединяется с Богом. Церковь нужна в том числе и для того, чтобы люди становились людьми, чтобы человек во Христе обретал свое высшее человечество, оно называется Богоподобие.

Церковь существует именно таким образом. О такой Церкви мы почти ничего не знаем, мы очень мало об этом слышим, мы очень мало об этом думаем. Церковь как мощная, сильная организация всем видна, как корпорация – всем видна, как политический силовой инструмент – всем видна. Звучит отовсюду – Церковь и политика, Церковь и бизнес, Церковь и общество, Церковь и... Это какая Церковь? Та Церковь, которая является мощной организацией, или та Церковь, о которой сказано «организм любви»? Для нас, «новорожденных» христиан, сейчас прекрасное время – наша Церковь тоже новорожденная. Она состоит из христиан, которые пришли в Церковь не потому, что их так воспитали родители, и не потому, что они свою идентичность православную исповедуют, а потому, что они в Бога поверили, в какой-то момент своей жизни поняли, что без Бога дальше жить невозможно. Это самая прекрасная Церковь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.